

особое значение. Но не менее важны и другие стороны языковой деятельности по отношению к массе существующих и постоянно создающихся аббревиатур — деятельность сознательная, в том числе и нормализаторская. Трудность представляет произношение аббревиатур, которое далеко не всегда можно вывести из произношения составляющих их букв, трудность склонения и орфографии. Последнее особенно важно, поскольку аббревиатуры прежде всего принадлежат языку письменному. Орфография аббревиатур является белым пятном на лингвистической карте письменного языка.

Словарь Э. Шайтца представляет собою

полный и надежный материал для всех этих исследований.

Калакуцкая Л. П.

ЛИТЕРАТУРА

1. Словарь сокращений русского языка / Под ред. Алексеева Д. И. 3-е изд., М., 1983.
2. Советский энциклопедический словарь. М., 1980.
3. Розенталь Д. Э. Прописная или строчная (Опыт словаря-справочника). М., 1984.
4. Справочная книга редактора и корректора / Под ред. Мильчина А. Э. М., 1985.

Smeets R. Studies in West Circassian phonology and morphology. Leiden: The Hakuchi Press, 1984. 489 p.

В изучение западнокавказских (абхазо-адыгских) языков внесли немалый вклад такие зарубежные ученые, как Г. Деетерс, Ж. Дюмезиль, Г. Фогт, У. Аллен, И. Кноблч, А. Койперс и др. За последние два десятилетия появились новые имена зарубежных кавказоведов — Р. Парри, Е. Провази, Б. Хьюитт, Р. Сметс и др., успешно разрабатывающих вопросы фонетики, грамматики и лексики западнокавказских языков. Рецензируемая работа голландского лингвиста Р. Сметса, выполненная на материале языка анатолийских шапсугов (адыгейцев), состоит из четырех частей.

В первой части (с. 33—109) даются общие этнолингвистические сведения о языках и народах Кавказа, а также краткая характеристика западнокавказских языков и состояния их разработки.

Вторая часть — центральная по значимости и самая большая по объему (с. 111—287) — включает синхронное описание звукового строя, морфемного и фонемного состава слова, варьирования морфемы, ее фонетических, морфонологических признаков, основных структурных вариантов глагольных префиксов, суффиксов и окончаний. Особенно подробно освещаются распределение гласных и согласных в слове, их позиционные особенности, фонетические изменения, альтернативные ряды (обусловленные морфонологическими факторами), консонантные группы в пределах слова и его значимых элементов, условия появления алломорфных вариантов глагольных аффиксов.

Третья часть (с. 289—377) несколько выделяется по материалу и методике его анализа: она посвящена целиком

категории отрицания в глаголе, причем привлекается материал обоих адыгских языков. Автор рассматривает функционирование форм выражения суффиксального и префиксального отрицания, их дистрибутивные особенности, делает попытку по-новому объяснить генезис отрицательных суффиксов *-(e)p*, *-q'at* в адыгских языках. В связи с историей сложения форм суффиксального выражения отрицания затрагиваются смежные явления — утвердительные и вопросительные формы, их функциональные взаимоотношения и генетическая связь с категорией отрицания в глаголе.

В четвертой части (с. 379—478) анализируются способы выражения посессивных и локально-направительных отношений исследуемого диалекта, особенности звуковой системы анатолийского говора Генеели (Genceli) и небольшого шапсугского религиозного текста (Mevlid), опубликованного в 1910 г. в Турции. Судя по данному материалу, процесс нейтрализации форм органической (неотчуждаемой) и неорганической (отчуждаемой) принадлежности в анатолийском шапсугском диалекте протекает более интенсивно, чем в других адыгейских диалектах. При этом показательно, что указанная морфологическая оппозиция определяется не только лексико-семантическими особенностями, но и фонетическими. «Краткие префиксы чаще всего используются, с одной стороны, с субстантивами, которые указывают на родственников (первой ступени) — отца, мать, с другой — с субстантивами, включающими начальными глоттализированными или глухой согласный» (с. 390). Тенденции к снятию противопоставления форм орга-

нической — неорганической принадлежности действуют во всех адыгейских диалектах. Однако в этом отношении своеобразие описываемого Р. Сметсом диалекта расширяет наши представления о состоянии категории посессивности и направлении ее развития в адыгейском языке.

Обращая на себя внимание вариативность выражения элативных и иллативных отношений в диалекте. Обычным алломорфом иллативного суффикса является *-e*, в то время как алломорф *-he* менее продуктивен. Более разнообразно выражение элативного направления. «Как элативный суффикс некоторые глаголы используют только суффикс *-a*, другие могут выступать как с *-a*, так и с *-ak''e*, и небольшое количество глаголов использует только *-ak''a*» (с. 443). Подобные вариативные, взаимозаменяемые формы выражения противоположных направлений в глаголе, восходящие к различным хронологическим уровням, вообще характерны для адыгских языков.

Интересны наблюдения автора над фонетическими и фонологическими особенностями говора Генсели. В частности, в этом говоре фонологическая оппозиция аспирированность — неаспирированность имеет тенденцию к исчезновению: она отсутствует не только в зоне увулярных, но и в зоне заднеязычных аффрикат, не различающих *ɕʰ* — *ɕ*.

Детальный анализ религиозного текста, которым завершается книга Р. Сметса, представляет интерес для истории адыгских языков.

В целом монография голландского ученого вносит много ценного и полезного в изучение звукового строя и грамматики шапсугского диалекта адыгейского языка. Нет сомнения в том, что результаты исследования фонологических, морфологических и морфонологических явлений, полученные автором на материале одного из анатолийских диалектов адыгенского языка, будут способствовать всестороннему и системному анализу современного состояния адыгских языков в их литературных и диалектных формах существования.

Рецензируемая книга не свободна от некоторых недостатков и спорных положений. Наиболее уязвимыми являются диахронические экскурсы, хотя они занимают (по сравнению с синхронической частью) небольшое место в монографии. Относительно генезиса адыг. *-(e)p* Р. Сметс развивает гипотезу Ж. Дюмезила [1, с. 185—186], считая (в отличие от последнего) вполне убедительной трансформацию *b* (*m > b > p*) в *p* через промежуточное *-(e)p*. К суффиксу отрицания *-m* возводятся также *b* в утвердительном суффиксе *-ba* (с. 353—357). Автор реконструирует,

например, для шапс. (адыг.) *sak''oʰaʒerəy* «я не ходил» архетипы **sak''oʰaʒebəy < *sak''oʰaʒetəy*, для *ʒəz-erəy* «(это) не женщина я» — архетипы **ʒəzərəy < *ʒəzəbəy < *ʒəzətəy* (с. 355—356). Хотя подобные реконструкции и связанные с ними рассуждения автора интересны и остроумны, нужно признать, что они остаются недостаточно убедительными.

В отношении каб. *-q''ə* в отрицательном суффиксе *-q''ət* Р. Сметс решительно отвергает мнение Ж. Дюмезила о его генетической связи с утвердительным (в его терминологии — подтвердительным) суффиксом *-q''e* [1, с. 187], возводя первое вслед за Г. Ф. Турчаниновым и М. Цаговым [2] к корню *-ʔe* «быть, существовать», а второе к корню **q''o-* «говорить, сказать». В этой связи применительно к раннекабардинскому состоянию автор пишет: «Предикативной формой вопроса было *ʒə-ʔe-m*, в этот период возможна еще форма *ʒə-ʔe-m* (субъектный префикс — там быть — суффикс отрицания). Эта форма образована от связанного глагола *-ʔe* „быть, существовать“, который встречался (и еще встречается) в обеих диалектных группах (восточночеркесских и западночеркесских) с префиксом *ʒə-* или превербом посессивности *yə-*. Следовательно, мы могли иметь рядом такие формы, как **sə-k''o-e-nə-m* (субъектный префикс — идти — суффикс футурума — суффикс отрицания) „я не пойду“ и **sə-k''o-e-n(e)-ʒə-ʔe-m* (субъектный префикс — идти — суффикс футурума — суффикс отрицания) „я не пойду“» (с. 367). Последняя форма, по Р. Сметсу, позже трансформируется в *sə-k''o-e-nə-ʔe-m*, *sə-k''o-e-n(ə)-q''ət*, *sə-k''o-e-n-q''ət* „я не пойду“. Реконструируемые автором формы не только фонетически, но и семантически спорны и не поддаются проверке. То же самое можно сказать о положении, согласно которому утвердительный суффикс *-q''e* в конечном счете восходит к **q''o-* «говорить, сказать» (с. 362—363).

Вообще в вопросах реконструкции автор нередко оперирует недоказанными положениями, не пытаясь как-то их обосновать. Так, для общеадыгского консонантизма постулируется четырехчленная система смычных типа *b — p' — p' — pp*, *d — t — t' — tt...*, хотя это традиционное положение сравнительной фонетики адыгских (черкесских) языков остается на уровне гипотезы, не подкрепленной фактами. В этой связи следует подчеркнуть, что до недавнего времени среди многих специалистов считалось общепринятым положение, согласно которому четырехчленная фонологическая система смычных, характерная для двух западных адыгейских диалектов (шапсугского и бжедугского), восходит не только к общеадыгскому состоянию, но и к более

глубоким хронологическим уровням. Теория дальней реконструкции неаспирированных (преруптивных) оказалась несостоятельной [3, с. 129—141], и от нее отказались, по-видимому, ее сторонники (во всяком случае она уже не упоминается в работах последнего периода), но некоторые авторы защищают положение о ближней их реконструкции, возводя четырехчленную систему согласных к общедыгскому хронологическому уровню. Однако и это положение не обосновывается данными внутренней, сравнительной или типологической реконструкции. Переход глухих аспирированных увулярных (фарингальных — в другой терминологии) в глухие неаспирированные в темирговском и абдзехском диалектах ($q^h > q$; $q^{ph} > q^o$) [4], многочисленные случаи образования неаспирированных смычных на базе других типов согласных в западных диалектах адыгейского языка [3, с. 133—140], другие данные внутренней реконструкции делают несостоятельным тезис об архаизме четырехчленной системы согласных. Распространение четырехчленной системы лишь на фонетическом уровне на речь некоторой части темирговцев также не может подтвердить ее архаизм, а скорее всего свидетельствует о развитии фонетических вариантов, что вполне закономерно в условиях тесного контакта между носителями разных диалектов. Что касается данных сравнительной реконструкции, то отсутствие каких-либо следов четырехчленной системы в родственных языках — убыхском, абхазском, абазинском — показывает только ее локальный и вторичный характер в системе консонантизма западнокавказских языков. Весьма показательны данные типологии четырехчленной системы, имеющие важное значение для праязыковой реконструкции. В осетинском языке смычный четвертого ряда, «не имеющий близкой аналогии в живых иранских языках и сближающий осетинский язык с одной группой кавказских языков, именно южнодагестанской» [5], встречается после других согласных и в так называемой геминации, т. е. условии его появления — чисто фонетического порядка. В южнодагестанских, точнее лезгинских языках, неаспирированные (преруптивные) смычные четвертого ряда — новообразование, т. е. сложение четырехчленной оппозиции типа $b - p - p' - pp$ на базе праязыковой трехчленной оппозиции $b - p - p'$ считается очевидным [6]. Подобные факты — число их может быть увеличено (см. [7]) — не могут не учитываться при решении вопроса об относительной хронологии четырехчленной системы в западных адыгейских диалектах.

Некоторые проблемы, рассматриваемые

Р. Сметсом, разработаны на материале адыгских литературных языков или других диалектов. Так, по вопросам структурного варьирования глагольных аффиксов и морфологии слова, которым много внимания уделяется во второй (центральной) части книги, существуют специальные исследования [8, 9]. Поэтому естественно, что не все положения и выводы рецепируемой книги являются новыми. Более полное использование результатов ранее проведенных разработок позволило бы еще глубже осмыслить отдельные факты описываемого диалекта.

Работа содержит некоторые необоснованные прогнозы развития и функционирования западнокавказских языков. Так, нельзя согласиться с предположением автора, что в будущем функции этих языков могут быть ограничены сферой фольклора (с. 64). Не могут быть также приняты его субъективные оценки исторического фона на Западном Кавказе в XIX в. Неверно мнение Р. Сметса, согласно которому «кабардинцы как народ сложились из аланских (северо-восточных иранцев), понто-каспийско-кипчакских и — больше всего — черкесских элементов» (с. 49).

В заключение следует отметить, что монография голландского ученого, содержащая описание нового диалектологического материала, труднодоступного для большинства кавказоведов, представляет несомненный интерес для специалистов по западнокавказским языкам. Вводя в научный обиход ранее неизвестные материалы языка анатолийских пашсугов, Р. Сметс и некоторые другие зарубежные кавказоведы [10, 11] продолжают пионерскую работу недавно скончавшегося французского ученого Ж. Дюмезиля.

Кумахов М. А.

ЛИТЕРАТУРА

1. Dimézil G. Études comparatives sur les langues caucasiennes du Nord-Ouest. Morphologie. P., 1932.
2. Турчанинов Г., Цагов М. Грамматика кабардинского языка. М.—Л., 1940. С. 92.
3. Кумахов М. А. Сравнительно-историческая фонетика адыгских (черкесских) языков. М., 1981.
4. Рогова Г. В., Керашева З. И. Грамматика адыгейского языка. Краснодар—Майкоп, 1966. С. 36.
5. Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М.—Л., 1949. С. 516.
6. Талибов В. Б. Сравнительная грамматика лезгинских языков. М., 1980. С. 325—336.

7. Кумаков М. А. Очерки общего и кавказского языкознания. Нальчик, 1984. С. 36—54.
8. Розава Г. В. О некоторых вопросах истории личных аффиксов в адгских языках // Сообщения АН ГрузССР. 1959. XXXIII. № 4.
9. Урусов Х. Ш. Морфемика адгских языков. Нальчик, 1980.
10. Smeets R. Sept histoires en *šapsəğ* // *Studia Caucasica*. 1976. 3.
11. Paris C. La princesse Kahraman. Contes d'Anatolie en dialecte chapsough (tchorkesse occidental). P., 1974.

Франчук В. Ю. Киевская летопись. Состав и источники в лингвистическом освещении. Киев: Наукова думка, 1986. 183 с.

Рецензируемая книга посвящена изучению языка и стиля Киевской летописи — исторического и литературного памятника Древней Руси середины и второй половины XII в. В монографии выявлены и проанализированы все составные части древнерусского летописного свода. Благодаря такому подходу конкретизируется представление о многих древнерусских писателях XII в., владевших нормами древнерусского литературного письменного языка, о редакторе и составителе свода, в который были внесены заметные элементы книжной речи. Исследование может быть использовано для решения проблемы функционального соотношения местного древнерусского языка и близкородственного, по привнесенного извне языка старославянского.

Книга состоит из краткого Введения (с. 3—11), в котором дается представление о Киевской летописи, являющейся частью Ипатьевской, стоящей перед летописью Галицко-Волинской, охватывающей исторический период с 1117 по 1198 гг. Рукописная книга, которая сохранила этот текст, датируется началом XV в., приблизительно 1425 г. Более поздние списки известны как Хлебниковский (XVI в.), Погодинский (XVII в.), Ермолаевский (XVIII в.), Краковский (конец XVIII в.). По своему происхождению Киевская летопись — сводный памятник. Последним редактором летописи в конце XII в. был игумен, а затем архимандрит Киевско-Выдубецкого монастыря, Мойсей.

Особенно подробно и убедительно сложный состав памятника показан в книге Б. А. Рыбакова [1]. В основном В. Ю. Франчук согласна со взглядами Б. А. Рыбакова и разделяет его точку зрения на все существенные и основные проблемы истории.

Киевская летопись как памятник литературы исследована И. П. Ереминым. В его труде отмечается, что язык и проблема авторства должны быть предметом специального исследования [2]. Кроме

Б. А. Рыбакова и И. П. Еремина, о Киевской летописи еще в середине XIX в. писали многие историки и литературоведы, начиная с К. Н. Бестужева-Рюмина [3]. Языковеды касались в своих исследованиях этого памятника лишь бегло и в общих чертах (например, Б. А. Ларин, Ф. П. Филин [4, 5]). Отдельные упоминания о языке летописи можно найти в работах С. П. Обнорского, А. И. Ефимова и др.

Подробнее памятник исследовали историк М. Д. Приселков [6, 7] и филолог Д. С. Лихачев [8 и др.]. Ими были выявлены отдельные составители свода, как игумен, а впоследствии архимандрит Киево-Печерского монастыря Поликарп, летописец князя Андрея Боголюбского Кузьмище Княнин, безымянный летописец Святослава Киевского и др. В. Ю. Франчук обращает внимание на статью Ю. К. Бегунова [9]. В ней речь идет не столько о языке, сколько об изобразительных приемах торжественного красноречия, так что ссылка на нее не снижает достоинств книги В. Ю. Франчук.

Главная заслуга В. Ю. Франчук состоит во всестороннем монографическом исследовании языка и стиля Киевской летописи. Во Введении изучение памятника прослеживается до 1983 г., поэтому у автора книги, занимающего нейтральную позицию в спорах о древнерусском литературном языке, проходивших на IX Международном съезде славистов в Киеве (сентябрь 1983 г.), не высказано отношение к проблемам двуязычия или одноязычия в Киевской Руси (см. [10])¹.

Исследуя преимущественно лексику и синтаксис Киевской летописи, В. Ю. Франчук ставит задачу определить составные части памятника и характерные приемы использования языка их составителями.

Глава I [с. 12—74] посвящена подробному разбору особенностей языка

¹ В сборнике [10] ряд статей посвящен темам двуязычия Киевской Руси.